

Лариса САДЬКОВА

«БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК» Д. ГАЛКОВСКОГО: ДИАЛОГ ТРАДИЦИЙ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (34) 2015

УДК 821.161.1-31

Садикова Лариса. «Бесконечный тупик» Д. Галковского: диалог традиций; 7 стор., кількість бібліографічних джерел – 3, мова – російська.

Анотація. У статті досліджується схожість нелінійного роману Д. Галковского «Безкінечний тупик» з класичними есеїстичними текстами («Досліди» М. Монтеня і «Думки» Б. Паскаля), що свідчить про діалог традицій із збереженням специфічних особливостей художнього світу і філософської системи письменника. Літературознавчі, культурологічні філософські та історичні есе як структурні одиниці творів з'єднані в єдине ціле завдяки низці художніх стратегій (парадоксализація, белеґризація, домислювання, драматизація, фантазування, «перевертання»), що призводить до виникнення нової художньої якості – есеїстичності.

Ключові слова: діалог традицій, стратегії есеїзму, роман-есеї, французька есеїстика, російська есеїстика, нелінійний роман Д. Галковского «Безкінечний тупик».

Цель статьи – описать художественное своеобразие эссеистических стратегий «Бесконечного тупика» Д. Галковского (русская эссеистика) в сопоставлении со стратегиями «Опытов» М. Монтеня и «Мыслей» Б. Паскаля (французская эссеистика).

Инвариантная модель эссе предполагает такие жанровые черты как интеллектуальная насыщенность, личностные ориентации, диалогичность, синтетичность, элементы переходности, пограничность, поисковый характер. Именно с опорой на эти признаки проследим сходства и различия.

Интеллектуальная насыщенность означает широкий спектр проблем окружающего бытия, художественное освоение которых имеет сходства и различия. Общей является энциклопедическая наполненность, отличия же – в содержании материала. «Опыты» М. Монтеня и «Мысли» Б. Паскаля содержат размышления о разнообразных проблемах человеческого бытия. Русский роман «Бесконечный тупик» Д. Галковского (1988) охватывает еще и историю русской культуры и литературы, особенности русской жизни и русской личности.

Концентрация внимания на проблеме человека и попытки предложить собственные концепции во французских эссе заканчиваются созданием абстрактных моделей личности и размышлениями о «характерах» эпохи. В «Бесконечном тупике» автор не склонен к построению абстрактных моделей человека вообще (что характерно для классической эссеистики, например, в знаменитом определении Паскалем человека как мыслящего тростника, как оболочки, удерживающейся «на грани двух бездн» [2, 215] или для афоризмов Франсуа де Ларошфуко, скажем: «В характере человека больше изъянов, чем в его уме» [2, 154]). Галковский размышляет о «русской личности», о национальной ментальности, хотя обращается и к про-

блеме социальных и психологических деформаций в определенную эпоху (преимущественно XX век, особенно его рубежи). Например, «примечание» № 6: «В русской культуре есть дар молчания, но нет дара умолчания. Русский человек не может вовремя остановиться и начинает выговариваться. Этот процесс выговаривания блестяще изображен в “Записках из подполья”. М. Бахтин так говорит об их герое (рассматривая, впрочем, его не как расовый, а как литературный тип) <...>. Оправдываясь, русский всегда хватается за наиболее слабые и болезненные части своего мира и говорит не что думает, а то, что о нем думают (якобы) другие, чтобы эти “другие” о нем так не думали. Это кривое самосознание приводит к потере ориентации в объективном мире, так что русский, как мотылек, летит на горящую свечу и Порфирию Петровичу остается только смеяться в лицо своей жертве» [1, 5].

Ироничный и провокационный характер размышлений писателя определен гипертрофированным развитием традиций классической эссеистики в постмодернистском культурном контексте. В соответствии со спецификой темы (не человек вообще, а русский человек) мысли кодируются знаками национальной культуры, в частности образами текста Ф. Достоевского, которого автор считает самым русским писателем, обнажившим национальную специфику на самых глубинных, подсознательных уровнях. Мысли определяются также интерпретацией наиболее авторитетного литературоведа М. Бахтина, от замечаний которого автор отталкивается в своих дальнейших суждениях, распространяя характеристику литературного героя на всю национальную ментальность и особенность мышления, явно призывая читателя к их обсуждению.

Тенденция к переоценке ценностей как характерная для «мыслей» и «опытов» в «Бесконечном тупике» актуализирована кризисом культуры

постмодернистской эпохи и связана с глобальным пересмотром ряда устоявшихся представлений об истории и культурной жизни страны, разрушением иерархий авторитетов (например, критикой философской системы В. Соловьева, Н. Бердяева, отстранением поэзии В. Маяковского, прозы А. Платонова) и особенно деконструкцией мифов (например, о роли русской литературы, идеальном русском писателе). Однако этот пересмотр содействует восстановлению и обновлению ценностной шкалы, а на развалинах старых мифов автор стремится создать новый, «здоровый» миф. В «примечании» № 11, посвященном теме двойничества, псевдоанонимности, подмены и измены в русской истории, деконструируются мифы о Курбском, Пугачеве, рассматриваемых как предатели на основании ряда фактов и подозрений: «Да что там! Пугачева нужно было лет сто считать даже нерусским по национальности. И только к 1872 году, как-нибудь выходя из университетской библиотеки, сказать вскользь товарищу: “А знаешь, Емелька – наш, русачок. Да и не был завербован”, – “Какой Емелька? Чернодыров? Вожак волнений в Оренбургской губернии при Павле I?” – “Не-ет, Пугачев. Который при Екатерине II”. – “Ах этот <...>. Иди ты, я и не знал. А впрочем, Бог с ним”. Вот это здоровый, крепкий миф» [1, 15].

Эскизность раскрепощенных текстов Б. Паскаля в противовес каноническим по форме произведениям Ф. Ларошфуко созвучны спонтанности, эмоциональности, обнаженной поисковости и даже отрицанию у Д. Галковского. Связаны они не только с наследованием традиции, но и с решением специфических художественных задач, например, с изображением спонтанности и ассоциативности процесса мышления, кружения мысли, изображением характерного (как провокационно заявляет автор) для национального мышления «выговаривания», «самооправдания». «Может показаться, что особенности русского мышления – кругообразность, спохватываемость (судорожное и внезапное оправдание), оборачиваемость, сбываемость, заглушенность и т.д. – есть просто следствие неразвитости вербального бытия» [1, 2–3], – размышляет повествователь и одновременно моделирует и утрирует именно такой стиль изложения, в наибольшей степени соответствующий теме («Да, например, русское мышление – “пластинка”. Ну что тут поделаешь. Надо дать мысли крутиться. Иначе все лопнет, треснет, разобьется. Вот вернемся к <...>» [1,25]).

Жанровые зарисовки как прием широко использовался Ж. Лабрюйером в «Характерах». Беллетризация размышлений, порой фантазирование на основе реального исторического сюжета с домысливанием и драматизацией отмечены и в «Бесконечном тупике». В «примечании» № 30 описана такая особенность национальной ментальности, как внушаемость и склонность к самоотрицанию, ее анализ соединяется в подтексте с представлени-

ями о деформации личности под влиянием тоталитарного давления. Кафкианский, но вывернутый на русский лад сюжет призван доказать мысль автора путем художественного обобщения. «Меня вызывают к какому-то начальнику и давай молча руку шупать. Один другому: “Да, рука хорошая”. А другой кивает. И мне: “Вы посидите пока в коридоре, вас вызовут”. А коридор длинный, тусклый... с издевательскими лавочками вдоль стен» [1, 25–26].

Общим является использование принципа «перевертыша», переворачивания смысла, в частности, постановка цитат в неподобающий контекст. В «Бесконечном тупике» встречаются похожие «переворачивания» цитат, а также издевательские перепевы, существенно меняющие исходный смысл (например, переименование строк К.Ф. Рылеева в контексте обсуждения темы предательства – «Снег чистый чистейшая кровь обогригла / Она для России спасла Михаила» передельвается в издевательское поругание декабрьского восстания как предательства царя и результат «блужданий» самого поэта: «Но вот натянулась веревка другая / Она для России спасла Николая» [1, 54].

Этот прием – одно из проявлений общей тенденции к парадоксализации. Идея парадоксальности воплощается в мотиве «переворачиваемости» русской истории и русского языка (об этом писали А. Мережинская, В. Руднев и др.). В «примечании» № 6 читаем: «Русский язык – оборотень. Его оборачиваемость – это оборачиваемость ловушки для глухарей. На крышку накрошен вкусный пряник, но стоит только сесть на краешек, как крышка с пугающей легкостью переворачивается и светлый простор превращается в темную коробку, в невесомость невесомости на кухню и довольное хихиканье, слышимое сквозь последний мрак» [1, 3].

Эта «переворачиваемость» истории, как достаточно провокационно декларирует повествователь, существенно повлияла на русскую ментальность. То есть создается картина всеобщей оборачиваемости, превращения в свою противоположность, что еще более актуализирует поиск устойчивых начал, ядра культуры. Как представляется, декларирование оборачиваемости, а также сама форма – моделирование кружения мысли – связаны с процессом поиска решения болезненных вопросов, а также с авторским намерением вовлечь в него читателя. В качестве примера приведем финальные фразы «примечания» № 60, в котором, отталкиваясь от литературного отрывка из текста Алексея Толстого (диалог между солдатом и генералом, который, по мнению писателя, невыносим для западного человека, а в тексте писателя вскрывает некие архетипические национальные особенности), повествователь делает вывод, призванный активизировать читателя: «Конечно, социально Россия всегда была неустроена, перевер-

нута, всегда “сапоги тачал пирожник” – от мужика требовали разрешения мировых вопросов, а помещика заставляли “трудиться”, толкали к сохе. Ну и как противовес этому, как нейтрализация была создана мощнейшая технология придуривания, отпирательства и запираательства, саботажа и вредительства. В результате как-то все в России происходило “сложно”, “набок”, и конечно, извне понять эту фантазмагорию неимоверно трудно» [1, 44].

Сходства «Бесконечного тупика» с классическими эссеистическими текстами свидетельствуют о диалоге традиций с сохранением специфических особенностей художественного мира и философской системы писателя.

В «Бесконечном тупике» Д. Галковского соединились особенности эссе и романа. Литературоведческие, культурологические философские и исторические эссе как структурные единицы произведения соединены в целое благодаря ряду художественных стратегий, что приводит к возникновению нового художественного качества – повторной актуализации тем, ярко выраженной авторской оценке реалий русской жизни. Они указывают на состояние национального самосознания, демонстрируют острую и жесткую критику, используют иронию и юродствование, апелляцию к культурным кодам иных литературных и культурных традиций, диалогичность, поиск и обновление «традиционных» художественных средств эссеистики.

Литература

1. Галковский Д. Бесконечный тупик / Д.Галковский. – М.: Самиздат, 1998. – 708 с.
2. Размышления, афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. – Л.: Худ. лит., 1987. – 576 с.
3. Садыкова Л.В. Монография. Русское эссе. Художественное своеобразие. Динамика жанра / Л.В. Садыкова. – Донецк: Норд-Пресс, 2009. – 405 с.

Лариса САДЫКОВА **«БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК» Д. ГАЛКОВСКОГО: ДИАЛОГ ТРАДИЦИЙ**

Аннотация. В статье исследуется сходство нелинейного романа Д. Галковского «Бесконечный тупик» с классическими эссеистическими текстами («Опыты» М. Монтеня и «Мысли» Б. Паскаля), что свидетельствует о диалоге традиций с сохранением специфических особенностей художественного мира и философской системы писателя. Литературоведческие, культурологические философские и исторические эссе как структурные единицы произведения соединены в единое целое благодаря ряду художественных стратегий (парадоксализация, беллетризация, домысливание, драматизация, фантазирование, «переворачивание»), что приводит к возникновению нового художественного качества – эссеизма.

Ключевые слова диалог традиций, роман-эссе, эссеистические стратегии, русская эссеистика, французская эссеистика, роман Д. Галковского «Бесконечный тупик».

Larysa SADYKOVA **"THE INFINITE DEADLOCK" BY D. GALKOVSKY: DIALOGUE OF TRADITION**

Abstract. The article explores the similarities nonlinear novel “The Infinite Deadlock” by D. Galkovsky with classical essayistic texts (“Experience” by M. Montaigne and “Thoughts” by B. Pascal), indicating the tradition of dialogue with the preservation of specific features of the art world and the philosophical system of the writer. Literary, cultural and historical essays, philosophical as structural units of the product are joined into a single unit due to a number of artistic strategies (paradoxalization, fictionalization, guessing, dramatization, fantasizing, “turning”), which leads to the emergence of a new artistic quality – esseizm.

Key words: a dialogue of traditions, essayistic strategies, a novel – essay, French essayistics, Russian essayistics. nonlinear novel “The Infinite Deadlock” by D. Galkovsky.

Стаття надійшла до редакції 28.10.2015 р.

Садыкова Лариса Володимирівна – професор кафедри французької філології КНУ ім. Тараса Шевченка